

18+

АНДРЕЙ КАЛИНИЧЕНКО

90

Андрей Калиниченко

90

«Издательские решения»

Калиниченко А.

90 / А. Калиниченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988737-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Алексей находится в психиатрической больнице, где пациент по имени Виктор как будто «заново рождается» в старом теле. Когда он приходит в такое состояние в очередной раз, Алексей, будучи уверенным, что в этом виноват кто-то извне, бежит из больницы, желая помочь ему, и пытается решить ребус с одной из квартир в спальном районе Петербурга, внутри которой находится нечто такое, что пытается управлять не только Виктором, но, в надежде выйти за пределы этой квартиры, желает размахнуться на весь мир... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-988737-5

© Калиниченко А.
© Издательские решения

Содержание

2	13
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Андрей Калиниченко

© Андрей Калиниченко, 2020

ISBN 978-5-4498-8737-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«90»

1

– Виктор, Витя да чтоб!.. блядь, доктор!, доктор! Опять у него! У него опять это. Доктор, Доктор!

Но всегда, когда это случается, никто из персонала не в состоянии помочь ему. За время, что я провел здесь, чуть немногим больше шести лет, это происходило трижды, этот раз стал четвертым. И что удивительно, по крайней мере это показалось мне заметным и очевидным, хотя я не склонен был делиться своими мыслями со здешними обитателями и их пастухами, он всегда играл в это время в шахматы. Это... не могу назвать это приступом, или скажем обострением чего либо, я бы назвал это явлением, чем то совершенно удивительным и пугающим одновременно, чем то, что никак не могло быть остановлено, заглушено таблетками, сожжено электрическими разрядами, вымыто физрастворами, это происходило по какому то маху маятника, возможно, находящемуся внутри сознания Виктора, а возможно на небесах обетованных, или может, в какой-нибудь лаборатории по изучению человеческого сознания и бессознания, подопытным которой Виктор мог бы быть... Так или иначе, я с определенного момента своего существования, стал записывать все, что происходило в моем мире, стараясь внимательно и скрупулезно запоминать и отражать на бумаге все, что происходит вокруг и внутри меня, и это позволило мне убедиться за шесть лет, что маятник, «обнуляющий», так сказать Витю, останавливается, и его взмахи все короче. Первый, заставший меня метаморфоз, произошел в 94. Это была осень, дерьмовый день с дерьмовой погодой, 6 ноября это было, с утра вывалило снега на неделю вперед, промозглый ветер потряхивал оконные стекла в растрескавшихся рамах нашего мирка. Никакого солнца. Ну да, это было бы издевательством над Витькой, если бы это событие произошло бы с ним в ясный солнечный день, под щебетание воробьев и свежий аромат зелени во дворе. И он играл в шахматы. Да, да, он играл тогда в шахматы, хотя игроков то у нас не было. Так оказалось, что я наблюдал за вялотекущей игрой. Развлечений то в дурке немного, шахматы и еще пару настольных игр, морской бой без батареек, однако, даже без них всеми любимый, и еще игра вроде пятнашек, название не знал никогда, пару раз за все время моего пребывания здесь к ней притрагивался. Да я сижу в психиатрической клинике, к сожалению, а может и нет, но я здесь уже достаточно большой отрезок своей жизни. Но об этом чуть позже. Итак, практически все любили шахматы, потому что никто не знал, что практически все комбинации уже названы и описаны, посему каждый из наших игроков считал, что его мозг мог придумать что либо новое и совершенно уникальное, чтобы обмануть и размазать временного противника. Шахматы позволяют представлять себя, свой разум чем то совершенно отличимым от других, просчитывать ходы вперед, предполагая, что противник не разгадает твоих замыслов. В конечном итоге, шахматы позволяют подумать о себе, что ты на самом деле не человек с проблемами в психике, упрятанный от общего социума

за забор с колючей проволокой, хорошей системой видео-наблюдения и контролем за помещением, а умный, хитрый и расчетливый гений. Конечно, каждый проигрыш разубеждает тебя в собственном величии, но лишь до следующей партии, с которой приходит новая уверенность. Виктор играл в шахматы всегда, когда представлялась такая возможность. Он проводил за доской гораздо больше времени, чем все остальные пациенты, но на него редко кто обижался. Дело в том, что он действительно вызывал жалость своим видом. Нет он не выглядел измученным тяжелой болезнью, не был инвалидом. В свои 44 (согласно документам, которые передала вместе с ним милиция, ведь он до того как попал сюда, находился в СИЗО почти 14 лет) он выглядел достаточно хорошо сложенным, имел рост за 1.80. У Виктора не было залысин, даже больше, на его темной шевелюре практически не было проседей. Крепкое тело, общее впечатление от которого портило лишь то, что он подволакивал левую ногу достаточно сильно. Он говорил как то, что это какой то бытовой несчастный случай, но он не помнит, что конкретно с ним произошло, есть только много шрамов, его сильно штопали когда то. В тюрьме, как новичку, ему пришлось не слишком сладко, однако ничего из ряда вон выходящего с ним там не произошло. И по всей видимости, спасли его от этого глаза. Да, да, его глаза, они показывали его... его болезнь. В них была беспомощность и потеря. Настолько беспомощного, потерянного и пустого взгляда я не видел никогда в жизни до этого. Это была несомненно даже не финальная стадия, на которой человек, который долго, возможно всю жизнь, пытался найти ответ на какой то поставленный самому себе критический вопрос, но жизненные неурядицы, повороты и пинки судьбы окончательно разуверили его в том, что он сможет ответить на него. Стадия, которая отражалась в его глазах, может стать понятна, если вы представите, что забыли и сам вопрос, однако тень того, что очень важное, мучившее вас всю жизнь, безвозвратно ускользнуло от вас. Это подобно тому, как проснуться от грозы, когда тебе снился сон о чем то, что может в корне поменять твою жизнь, но ты уже не можешь построить всю картину и с каждым мгновением память методично затирает его остатки и смысл, который заставлял трепетать твою душу. И вот он, Витька, целыми днями и при любом удобном случае сидел за столом с шахматами, уставившись куда то внутрь клетчатой доски своим потерянным взглядом. Иногда я наблюдал за ним от скуки. В эти периоды я видел, что к сухости и безжизненности в глазах Виктора примешивается напряженность, как будто какой то призрак выглядывал из черного поля шахматной доски и показывал ему кусочек головоломки, элемент пазла, который смог бы превратиться в общую картину, излечивающую его безумие. Виктор не был безумцем в принятом в большинстве слоев общества понимании. Он не кидался на персонал клиники или других ее обитателей, не ходил бессмысленно что то бормоча, не сидел по идиотски раскачиваясь, не пускал слюни. Этот человек не пугал всех внезапным раскатистым смехом, и не говорил, что он жена Ельцина, летящая с ним в космос. Он был скорее аутистом, хотя шел на контакт, если появлялся внешний раздражитель, желающий перекинуться с ним словечком. Так что я бы не нашел его безумным, впрочем нет, я вообще считал его абсолютно здоровым страдающим человеком. Кстати это напряжение во взгляде в конечном итоге, по моему мнению, и привело тогда в 94 к «сбою мозга», так я решил его называть, когда пришло время дать имя случившемуся, у Виктора, и приводило потом еще три раза, включая сегодняшний. Но только через несколько лет я понял, почему этим катализатором стали шахматы.

Около полудня, впрочем за окном была такая серость, что сложно было бы сказать, что это было не три или четыре часа дня, если бы до этого я не посмотрел случайно на часы «Электроника», висевшие в закутке сестры, Виктора выключило. Вообще тогда никто не испугался, не ахнул, даже не сразу стали звать персонал. Не то чтобы смерть была с нами рядом, у нас никогда не было случаев гибели пациентов. Как правило, наш контингент тихо и мирно умирал в лазарете от старости, или может от инсульта, инфаркта, в общем, все происходило естественно, но еще не было ни разу, чтобы кто то умер у нас на отделении, просто его выключило так спокойно и буднично, что никто поначалу не понял, что вообще что то случилось. Виктор

сидел и с напряженным взглядом (я так думаю, в этот момент я его не видел), как будто его ангел спустился к нему на плечо и тихонько шепчет ему на ухо – слон не е7, как вдруг упал лицом вперед прямо на доску, отломав у черного ферзя верхушку. Эдакий Голиаф, покончивший одним махом со всеми раздорами на территории государства в 64 квадрата площади. и остался лежать неподвижно, с открытыми глазами, в которых уже не было ни потерь, ни напряженности, только пустая чернота зрачков.

– Витя! – возмутился Могулов, его нынешний соперник, который уже видел свою победу. – Вить!, Ви.. ой блин.. Ребята, мужики! Витьке плохо ребята, надо... доктор! доктор, Смирнов в обморок упал, доктор! – Ребята сбежались, хотя какие ребята, нам уже всем за 35 было, подняли его голову, Могулов с Черновым Пашей оттащили его на кровать в ближайшем боксе. Все остальные с отделения (к слову сказать, нас на отделении было 14 человек), посеменили следом. Лупырь, санитар наш, уже пыхтел в нашу сторону с аптечкой в огромных ручищах. Витьку взгромоздили на койку, распахнули халат, Лупырь приник к его груди. Все смотрели с удивлением разглядывая торс Виктора. У нас к счастью не была принята общая помывка, пациентов пускали в душевую по очереди, и никто никогда не видел Виктора без одежды. Когда я посмотрел на его грудь, живот, то я был очень удивлен, как может случиться такая ситуация, при которой вся, абсолютно вся верхняя часть тела выглядит так, как будто ее долго держали в соляной кислоте, а потом натирали на терке, но при этом лицо не содержало никаких признаков того, какую трагедию пережило тело. Весь его торс был покрыт грубыми рубцами и спайками, рывтинами... в общем это было очень страшно, даже для такого невпечатлительного человека, как я.

– Да не, живой, все нормально – сказал Лупырь, убирая голову с груди, – офигеть поцаный, да?

– Вообще, ужас, как такое... что произошло интересно – рассуждали пациенты с неприязнью и одновременным интересом разглядывая шрамы.

– Ну давай, Витяяя, просыпайсяяя, давай, давай, давай! – Лупырь хлопал его по щекам, дергал и толкал из стороны в сторону, но все это было напрасно, Смирнов не подавал ни одного внешнего признака жизни, однако дыхание и сердцебиение Лупырь слышал четко.

– Надо Большакова звать, вдруг удар какойнибудь? Мужики не толпитесь у него, я форточку открою, ему воздух нужен, Сейчас Большакова приведу – с этими словами он спешно удалился. Лупырь стебался над нами, он до этого работал на стражном отделении, где были большей частью только полностью отмороженные ублюдки, которые несмотря на всю кровавость и жестокость совершаемых ими деяний, были признаны невменяемыми, и отправлены на поправку здоровья за счет налогоплательщиков. Лупырь был крут и жесток нравом, а также, славился некой особой изобретательностью в деле унижения себе подобных, частенько поколачивал больных и придумывал «познавательные игры», так он их называл, в которые обычный человек вряд ли согласился бы поиграть после полдника, да и вообще не согласился бы никогда. Поэтому, часто люди, которые попадали на стражное по «закоосу» под ненормального, быстро вскрывались в таких сомнительных развлечениях, а Лупырь на фоне этого сохранял свое место. Но однажды случилось непоправимое и непредвиденное событие, во время одной из «игр» у одного из пациентов неожиданно оказалась бутылка для растворов под капельницы. Обычная стеклянная бутылка с резиновой рыжей пробкой... конечно, ну да, можно порезаться ей сильно, ударить по голове, нанести травму... Но данный владелец этой бутылки смог уложить двоих, и еще троих, включая Лупыря, смог ранить, и очень серьезно. В конечном итоге бунтаря оглушили, ударив сзади тяжеленным стулом. Через два с половиной года у него в месте удара началось какое то воспаление, которое сожгло его буквально за три недели. Сам же Лупырь, он же Лупырев Игорь Сергеевич, получил травму глаза, однако сам глаз не потерял, а также девять швов до уха. Ну да, а еще выговор за ЧП на отделении в его смену, после которого его решили спустить на объект попроще и он осел к нам. У нас контингент попроще,

но с играми и прочей хренью пришлось завязать. У кого то из нас были родственники, и многие попадали сюда просто по обострению, статуса режимного объекта наша больница не имела, поэтому грязь, появившись она в этих стенах, могла бы долго плутать в цепочках коридоров и лифтовых шахтах, прятаться в темных кладовках, на все равно выползла бы наружу зловонными потеками расползлась бы по газетным статьям и тогда Лупырь точно бы плохо кончил. Посему, он принял решение, в ущерб своим действительным, поганым желаниям, нажать на дисциплину. Я думаю, что в результате его стараний, мы спокойно могли бы отдохнуть в армии после больницы. Но сейчас, вспомнив случай, который низвергнул его с престола старшего смены на простого санитаря, Лупырь заволновался. Сначала шагом чуть быстрее обычного он дошел до коридорной двери, а за ней уже просто понесся вперед со всех ног. Понесся за Большаковым, человеком спокойным и очень взвешенным, даже чересчур взвешенным во все, чем бы он не занимал свою голову. Вообще, Большаков психиатром по большому счету не был, он был неплохим терапевтом, но после развала союза, ручеек денежного довольствия в родной поликлинике иссяк настолько, что Льву Юрьевичу пришлось проявить определенную смекалку, и потерпев несколько раз неудачу на поприще недвижимости и производстве пуговиц на собственной кухне, он понял, что лучше попытаться соваться в медицинскую среду, среду, где он уже имел некий положительный опыт и мог лавировать хоть между какими-нибудь подводными камнями. В результате, через почти три года мытарств, он смог устроиться по знакомству психиатром в больницу, где умели сливать деньги и выполнять бюджет. Правда пришлось пробовать себя в роли штатного психиатра, за место предыдущего, убитого в подъезде за двадцать рублей и буханку дарницкого в нарезке, что естественно, мягко говоря, расходилось с его знаниями, но имея вокруг себя толковых санитаров (Лупырь не в счет), обзаведясь хорошими связями с провизорами в больничной аптеке и проштудировав вечерами около двух десятков творений по психологии, Лев Юрьевич худо бедно наладил какое то лечение своих подопечных. Кроме того, при разговорах с кем бы то ни было, его взвешенность заставляла слова из его рта не вылетать, а вылезать аккуратненькой колбаской, а потом тихонько падать на стол и медленно расползаться, наполняя помещения. Когда он говорил с вами, создавалось ощущение, что вы находитесь в вязком густом масле, и аккуратно и медленно, даже отчасти вкрадчиво произнесенные слова потихоньку, буква за буквой ммедленно проникают прямо к вам в мозг, минуя ушную раковину, барабанную перепонку и всякие другие премудрости слухового аппарата. Еще казалось, что слова от Большакова двигались в пространстве не со скоростью звука, а значительно медленнее, подчиняясь другим законам мироздания. Поэтому, при разговоре с ним создавалось впечатление, что это человек говорит вам четко проверенную, высокоорганизованную и рафинированную истину, что впрочем, во многом было правдой. Плюс ко всему, Большаков был хорошим общим врачом, он действительно много знал в медицине. Думаю, где –нибудь на загнивающем западе, Лев Юрьевич был бы хорошо оплачиваемым серьезно развитым специалистом, но у нас, а тем более в лихие девяностые, он был просто уважаемым в стенах нашего заведения человеком. Кстати он часто в своей манере отчитывал и Лупыря, защищая наши интересы, что увеличивало нашу симпатию к нему. И он единственный в больнице, кто бы мог действительно и оперативно сделать что нибудь для спасения человека. Они с Лупыревым вернулись спустя минут семь. Большаков хромал практически на бегу, был похож на капитана Флинта из мультика «Остров сокровищ». Всему виной гололедица, год назад упал и сломал ногу в колене. – Пустите хлопцы, пустите, спасибо говорил размеренно Лев Юрьевич, проходя к Виктору. – Игорь, ты взял нашатырь? Смочи немного... и дай фонарик пожалуйста... Ага, все нормально, глазки, глазки... Че то хреново с глазками то, Игорь, зрачки никак вообще, нашатырь дай... Да не флакон, Игорек, ватку давай! Ага, ну-ка, ну-ка. Витяяя! Витяяя!. Но сколько бы он не звал его, не теребил, Виктор оставался неподвижным и не реагировал ни на что, однако его сердце продолжала мерно отстукивать свой отмеренный Господом ритм, спокойное дыхание не менялось, в общем как сказал потом Большаков, его разум жил

своей отдельной жизнью какое то время. Смирнова поместили этажом выше, на другое отделение. Вызывать скорую не торопились, хоть и понимали, что Витя мог быть в коме, и умереть при отсутствии помощи, однако признать свою некомпетентность не торопились, плюс надо было учитывать, что Виктор – пациент психиатрической больницы.

Такое состояние его продержалось три дня. На четвертый, был это вторник, около полудня к нам зашел Глушков, зам Большакова, на обход, и сказал, что Смирнов дрожит весь, но в себя не пришел. Ну все вроде своим чередом, полдник, потом отдых, кто в шахматы, кто в морской бой или в непонятную штуку, так мирно опять проходил наш безрадостный сумасшедший день, как вдруг на лестнице...

Вопли были такие, как будто кто то проснулся от легких, но стремительно нарастающих чувства дискомфорта и чувства боли и обнаружил, что по нему только начал ехать каток. Орали безудержным, нечеловеческим ревом. Спустя несколько секунд послышался звук летящей железной посуды, наверное той, в которой стерилизовали шприцы и инструменты, а затем, опять нечеловеческий, шести, нет, даже семиэтажный мат. Мы, все как один бросились к лестничному пролету, посмотреть, кто же там у нас «съехал» по серьезному, сгрудились у дверей отделения. В узком и высоком, забранном крашеной в грязно белый цвет сеткой, был виден кусок не менее грязной лестницы, по которому, бешено вращая глазами, страшно раскорячившись полз Витя. И тут он заорал опять. Не переставая вращать глазами. Я не смог с ним встретиться взглядом, но мне отчетливо показалось в какой то момент, что в этих глазах я уловил страх, недоверие и что то еще из этой же серии. А орал он оказывается на пожилую, вечно смердящую смесью курева и лука, санитарку, которая к несчастью для себя оказалась с ним на одной лестнице, перевоза кровать с Виктором, когда он вдруг неожиданно для всех решил прийти в себя. Сейчас, она белая, с глазами в пять раз больше Витькиных, белая как прокипяченная простыня, сидела на ступенях, широко расставив руки и ноги, и несомненно желающая протиснуться сквозь молекулярную структуру стены, ну или хотя бы не обмочиться. Для храбрости, она посыпала Виктора такими словосочетаниями, которых наверное никто из здешних обитателей не слышал отродясь. А Смирнов все полз и полз вниз, подальше от Захаровны, Клара Захаровна, так звали эту санитарку, а она в свою очередь старалась отползти от него. Такие два говорящих однополюсных магнита. Прибежал Глушков, однако, он был настолько растерян, что просто стоял разинув рот, напоминая застывшего на месте страуса, тоже с выпученными глазами. Прямо день больших глаз. Мгновение спустя, меня кто то с силой выдернул из толпы зевак и оттолкнул в сторону. Это подоспел Лупырь. Он методично раскидывал больных, пока не подобрался к двери. – Назад! рявкнул он и мы инстинктивно отступили (надо сказать, Лупырь был ростом около двух метров и весил за сто сорок кило). Когда мы дружно отпрянули, он открыл ключом решетку, прошмыгнул в проем, запер ее с другой стороны и выскочил на лестничный проем, где был встречен новой порцией воплей Смирнова. – Тихо тихо, скотина – начал говорить Лупырев – Сей.. – на этом слове дверь на лестницу закрылась, и дальнейшего монолога я не услышал. Однако, понял по развитию событий, что монолог на Витьку не подействовал. Но вот что меня удивило, что когда Лупырь понял, что его не слушают вообще, и полез крутить Витю, тот вел себя так, как будто ходить разучился, он корчился, принимая защитную внутриутробную позу, но при этом вообще никак не сопротивлялся, когда Лупырь придавил его ногой, просто корчился и орал, орал, орал. Он вел себя как новорожденный младенец. Клара же уже перестала сопротивляться тому, что должно было произойти с порядочной женщиной в подобной ситуации, и покорно потеряв сознание сползала как кусок фруктового желе по лестнице. Наконец Витю без труда скрутили и поволокли на верх по ступеням. Еще минут пятнадцать сверху доносились едва различимые крики, которые стихли, по всей видимости после того, как его закололи успокоительным. В шахматы играть расхотелось. Казалось, что после этого у нас будут неприятности, непонятно с чем связанное ощущение

ние, ведь то что произошло с Виктором, нисколько нас не касалось, но почему то все равно казалось, что у нас будут проблемы...

Накаркал. Проблемы у нас появились однако значительно позже, чем я думал. После случившегося на лестничной площадке, о Вите никаких новостей не было около недели. Не могу сказать, что случившееся стало для меня потрясением, однако я поймал себя на мысли, что первый раз за всю свою жизнь я видел ненормального человека. Да, да, я сам то на этом же отделении, но у нас не было тут людей, которые вели себя неадекватно. Тут собрались пациенты, которые были вполне адекватными и на то что показал Смирнов, смотрели как на неожиданную картину авангардиста в художественной галерее. Однако, все довольно быстро забыли о случившемся и о Викторе тоже. Здесь, в этом месте нет привязанности, по крайней мере в нашем мирке. Никакой дружбы, ей здесь просто не на чем зародится, только общение без обязательств. Здесь собрались люди с проблемами, люди большей частью расстроенные, реже озлобленные, тем, что их родственники или соседи, может быть коллеги, послужили толчком для их заточения. – Кажется, у него какие то отклонения... Иногда хуже: – Да этот придурок совсем свихнулся! Каждая такая фраза – это гвоздь, который забивают в гроб с надписью «здесь покоится здравый смысл такого – то», и гвозди эти подают люди, от которых мы и не ждем подвоха. Потому что прохожие на улице у нас живут по другому алгоритму, им просто плевать на тебя, лишь единицы проявляют к тебе интерес и то по большей части, этот интерес отрицательный. А вот те, которые тебя окружают, те которые трутся с тобой своими личными зонами, именно они в конечном итоге могут повлиять на уклад твоей жизни. Люди, которые находились здесь, как правило, считали себя жертвами заговора. Я придерживался относительно них похожих убеждений, ну не выглядели они в моих глазах выжившими из ума стариками и молодыми мужчинами. Шестеро наблюдались в ПНД, однако они просто были склонны к излишне сильным депрессиям, короче нытики, и родственники упрятывали их периодически сюда для проведения, так сказать, витаминной терапии. Двоих в дурку сдали соседи, ну не привезли конечно со словами «Нате, забирайте», но активно описывали их отклонения. Остальные были настолько замкнутыми и неразговорчивыми (хотя это по моему тоже не характеризовало их как дуриков), что за все время пребывания здесь я так и не узнал о них ничего. Но в принципе, лучше, когда тебя окружают молчуны, чем когда болтуны, так что меня все устраивало. Именно потому, что откровенных идиотов и психов у нас не водилось, Витьку вернули в наш стан. – Теперь будете за ним ухаживать, он у вас на балансе, ха! – отрезал Лупырь. Я конечно, ни у кого в глазах яркого желания подобрать за Витькой не увидел, но все скромно потупив взгляд промолчали, включая конечно и меня. Так Виктор, точнее его обнуленная оболочка, стал жить с нами. Господи, сколько мы натерпелись с этим парнем! Он ходил под себя, и каждое утро нас встречал не аромат утреннего свежесваренного кофе (конечно, у нас кофе отродясь не было, но здорово хотя бы помечтать об этом), а резкий запах кала или мочи. История повторялась несколько раз в день. Витя есть не мог, не из за травм, просто удержать толком не мог ничего в руках, как будто просто разучился ими командовать. И вот с утра кто то, но без отлыниваний, Лупырь самолично составил график и четко следил за его выполнением, начинал свой день с уборки дерьма с кровати да и с самого Витьки. Иногда его перекармливали и он долго и протяжно блевал, пуская длинные фонтаны через пол комнаты. За десять дней он так вывел всех из себя, что у многих наверняка возникло желание удушить Витьку его же собственными обосранными трусами, но на удивление, он перестал бесконтрольно гадить, а стал мычать, получая на это судно или горшок. Постепенно ушла в прошлое и проблема с кормежкой. Жизнь определенно налаживалась. Но действительно настоящим подарком стал момент, когда Виктор впервые сказал слово, это конечно было не «Папа», и даже не «Мама», но к счастью не мат. – Жри! – вот что изрек господин Смирнов в качестве первого ключика для общения с внешним миром и его обитателями. Кто повлиял на это первое слово, сомневаться не приходилось, конечно мы. Ну а что делать, дети воспитанные в нелюбви возможно тоже начинают примерно

с этого: – Жри!; Заткнись!; Сука!. К тому времени, как Виктор стал делать свои первые речевые успехи, мы все пришли к выводу, что он как будто заново родился в своем прежнем теле. Вроде, он уже покинул наш мир, но потом бог сказал вдруг – Ой, этот перец должен сделать кое что через шесть лет. Апостолы отвечали ему – Господь всемогущий, ну мы же его уже того.. уже обнулили, он уже должен родиться в новом теле. – Нее, друзья, через пять лет он еще не достигнет нужных для его дела габаритов. Давайте-ка, братцы, его обратно в старую квартирку. Там мужики его быстро подучат. На том и порешили. Ну мы так сказать учителя то были хоть куда конечно. Но все таки, мало помалу, Виктор пришел в себя. Однако две очень тяжелые вещи произошли с ним. Во первых, то что было до его «выключения», он не помнил и не вспоминал, он только с наших слов построил себе какую то личность. Он представлялся Виктором, потому что мы «дали» ему это имя, так же было с возрастом, скромной краткой биографией. Что было с его жизнью последние 44 года, Виктор не знал, для него существовал только период жизни, который начался с его «обнуления». Вторая же личная трагедия Виктора, случилась в 97, когда его «сбой мозга» повторился снова. Как то я говорил с ним, уже после второго сбоя, говорил непривычно долго для этого замкнутого и погасшего человека, и он, выдавливая из себя слова, как будто они были квадратными и не лезли через круглый рот, аккуратно рассказал мне о шахматах. – Когда я смотрю на поле, я вижу что то, я вижу что то другое, я вижу кем то другим, говорил он. Это было через год после второго «обнуления», и его словарный запас был еще слишком мал, чтобы он мог емко объяснить, что с ним происходит. А потом маятник качнулся в другую сторону, и конец света для него вернулся опять, а затем через пол года все повторилось, и Виктор уже не мог восстанавливаться, он не успевал ни научиться заново хотя бы что то говорить, не успел научиться стоять на ногах, под конец нашего с ним знакомства его уже катали на коляске, облаченном в огромный подгузник, потому что он еще ходил под себя. И вот почти шесть лет спустя, в миллениум, это случилось опять. С каждым разом, все мы прекрасно понимали, его шансы хоть как то «повзростеть головой» иссякали, и все по всей видимости, шло к тому, что Виктор превратится в гадящую и вопящую старую куклу. Единственное, что все время не менялось – он как замороженный тарасился на шахматную доску, как только она оказывалась в поле его зрения. Что то держало его в этой игре клещами. Но что, он так и не смог познать, пока я сам не принес ему ответы.

Конечно, никто из пациентов не был в восторге от необходимости нянчиться с Виктором. Однако я в отличие от остальных, старался помогать ему. Конечно я не рвался убирать за ним фекалии, но я старался проводить с ним как можно больше времени. Я выпросил у Большакова, чтобы он купил на мои деньги, которых было немного, тетрадей и ручек. – У тебя же свои есть – удивился тот, но просьбу выполнил. Все равно инфляция все сожрала, спасибо Кириенко, слава богу, хоть на две тетради и три ручки хватило. Я начал вести дневник Виктора. Все, что происходило с ним, я тщательно, мелким плотным почерком, записывал в тетрадь. В каждой клеточке, почти без абзацев. Надо быть экономным, если тетрадь кончиться раньше положенного времени, хоть я и не знаю, когда это положенное время настанет, но все равно, если кончиться, писать будет негде, летопись Смирнова В. В. остановиться и тогда как он потом узнает, что с ним было до «обнуления»? Позже мне пришла в голову идея по упрощению записей, я применил ее и для своего дневника. Все из за тупости и однообразности нашего бытия, все дни одинаковые, я отмечал значками какие то события: торт – день рождения, рядом пишу кого, сколько лет через запятую, в скобках комментарии, если было что то, заслуживающее внимания (его дочка прислала торт, первый раз за год ели торт, это так вкусно), ну и в таком духе. Я строчил этот дневник для него почти полтора года, исписав под ноль две тетради. Однако, к сожалению, только по прошествии такого огромного куска времени, до меня наконец дошла бессмысленность моей писанины. Ведь в своем дневнике я писал про мысли, да черт побери, мысли, а у Вити мыслей то не было! Все его мысли в результате уместились в одном слове. Когда я выйду отсюда, я попрошу, чтобы как только есть возможность,

при любом удобном случае, ему должны показывать их. Его ключ, его единственная зацепка, это шахматы. И он должен помнить об этой зацепке, потому что она дает ему что то, как то тянет его к свету, но крючок слишком слаб или леска тонка, ему не вытащить правду из этой чертовой доски. Но все же... Если он очнется после последнего сбоя, и не увидит этого ключа, он даже не будет жить в каком то призрачном открытии чего то важного, он просто будет существовать. Почему же я помогаю ему, что меня двигает разговаривать с этим человеком, точно и внимательно расшифровывать свой дневник, пытаться учить его говорить, показывать ему шахматы, давать их ему в руки, из за чего я стал чуть ли не врагом для части обитателей нашего отделения, у которых вырывал фигурки с целью отдать их на изучение Виктору. Я тянулся к этому человеку одной своей частью при том что вторая конечно была не в восторге от общения с умственно отсталым. Но эта моя сознательная, правильная и тянущаяся часть знала зачем мне это. И я знал, что мой долг поддержать себе подобного, попытаться сохранить его рассудок. Не себе подобного как человека в целом, но себе подобного как человека, чьи переживания и... да что там, так и есть, чьи страдания так знакомы и понятны мне. Ведь я тоже уже давно пережил свой «сбой мозга».

2

Я не помню, разумеется при каких обстоятельствах он произошёл. Я ведь попал сюда с улицы. Да да, эта самая клиника, это точка моего отчета моего нового времени. Времени «от предыдущего раза до следующего» когда я окажусь в пустоте, как Виктор. Мне очень сложно вспомнить и охарактеризовать то, что происходило со мной в первые месяцы после того, как я очнулся без памяти. В душе я очень вспыльчивый и агрессивный человек, поэтому, часть смутных воспоминаний была о событиях, которые оставили негативный отпечаток в моей памяти. Как меня мыли. Как когда то самом начале одна сука санитарка била меня половой тряпкой по лицу, которой только что вытирала мое дерьмо. Тогда особая беспомощность одолевала меня, она была как будто физически болезненной. Я бы сейчас сравнил себя с детьми, больными ДЦП или инвалидами, которые не могут контролировать свое тело в общепринятой норме, их руки и ноги безвольно весят или болтаются из стороны в сторону на потеху окружающим. Люди любят смотреть на таких радуясь в глубине души – Как хорошо, что у меня хоть со здоровьем ничего, не уродец какой – нибудь. Но под этими взглядами эти бедняги чувствуют себя так неуютно должно быть. Я чувствовал себя неуютно тоже, однако, я не знал в тот момент, что есть дети, болезни и вся мирская дрянь. Я был абсолютно пустым внутри, и не руки не ноги не слушались меня, я не понимал свою оболочку. Этот путь, путь осознания себя был сложнее даже чем путь осознания мира вокруг. Как будто мой мозг вставили в некий мертвый механизм, но нервные окончания не подключили к нужным разъемам целиком, так питание подали и достаточно вроде. В результате я чувствовал, что у меня что то есть (руки?) но я не могу ими ничего сделать, лишь иногда они совершают в поле моего зрения какие то пируэты, но я не могу дать им команду, которая может быть выполнена. Я не мог ни сесть ни встать, когда меня поднимали насильно, организм тут же отдавался тошнотой и рвотой, за что мне очень часто попадало потом и словами и делами. И это просто запомнившиеся образы, потому как я тогда, как и Виктор, не мог думать, я не понимал что я такое вообще. Я был атомом, а может и еще более мелкой частичкой, бозоном Хиггса быть может, которому вдруг показали, что он не просто сам по себе, ничего не думает, один сидит или летит в черноте, а он вообще то часть огромного цветного мира, который называется, к примеру, теннисным мячиком, а когда этот мячик принесли на корт, каково же его потрясение от увиденного, а когда этот мячик случайно улетел за пределы этого корта... Боюсь подумать, чтобы было в голове этого бозона при осознании масштабов мира, в котором он оказался. Конечно, мне было в некотором смысле проще, я «рос заново» в очень маленьких замкнутых мирках и мое осознание размеров мира начиналось с – А ты знаешь, какие у нас есть большие моря, где так много воды. – А я спрашивал – А что такое море? – и поражался тому, что слышали мои уши. Что было бы со мной, если бы меня привезли бы на машине и выбросили на песчаные дюны у кромки прилива? Сердечный приступ, как пить дать.

Моим ангелом хранителем, человеком, который случайно нашел и указал мне мой якорь, мой ключ к точке восстановления, кто помог мне стать тем, кто я есть сейчас, стал владелец небольшого грузовичка, с трудом сводивший концы с концами дядя Гена, мужичек с испищенными морщинами желтушным лицом лет восьмидесяти, хотя он как то сказал, что недавно разменял шестой десяток. Как он меня не убил, столько натерпевшись от меня, ведь я очнулся после сбоя у него и был его обузой больше двух месяцев, пока он наконец не понял, что я совсем ку-ку, я не знаю. Хотя у русских это национальная черта: ну вот любим мы загонять себя в жопу. Из того что мне рассказывали мои «учителя» (один кстати был преподавателем по истории России в универе, но после перенесенного менингита его иногда так доставали черти, особенно когда выпьет, что два раза по два месяца он проводил с нами, восстанавливая душевный покой), обычному человеку в России всегда жилось плохо, что при царе, что при КПСС, что

при демократии, всегда он был никому не нужен. – Сплоченности в русском народе не было никогда, поэтому жили мы всегда плохо и у руля у нас всегда черти кто – говорил он, да да Лёха, запомни, такого тебе в институтах не расскажут. Он продолжал: – Однако, вот то что тебя Генка поднял, обогрел, мудился с тобой, это великий парадокс: ну вот иногда хочется кому то помочь, не все время ж гадить, а? – Ага – отвечал я, внимательно слушая Матвея Степановича, пытаюсь понять, про какой руль идет речь. Гена рассказал мне, что в 91 он нашел меня у железнодорожного моста на насыпи, всего изодранного, с переломом руки и ребер, без документов. Время было беспокойное (хотя у нас оно всегда беспокойное, просто в новостях рапортуют как все хорошо), и Гена подумал, что меня «обули» в карты в экспрессе, и выкинули с поезда, когда я начал возникать. Взял в свою ржавую перделку – Фиат зеленый – и отвез в свой дом. Там я провел без сознания около двух дней, а потом очнулся «обнуленным». – Ты ничего не говорил, только тарачил на меня глаза. Я с тобой пытался как то разговаривать, но ты просто тарачился, если я приближался к тебе или протягивал руку, то ты мычал. Боялся меня. Ходил под себя и часто у тебя из глаз шли слёзы, видать рука беспокоила. Прошло почти два месяца, когда рука у тебя зажила и даже почти окрепла, но ты все равно молчал. Тогда я решил, что ты головой повредился, вызвал нам такси и отвез тебя в Джанелидзе, в отделение неврологии. Там тебя подержали три дня и определили сюда. Я был тяжелым больным, поэтому шесть месяцев я провел в отделении для «активных» дуриков, которых привязывали к кроватям. Меня разумеется никто не привязывал. Я мог только медленно, раскачиваясь как сонный малыш, ползать на четвереньках. Потом, когда персонал окончательно убедился, что я все таки не агрессивен, более того, делаю успехи, меня решили перевести на отделение к более адекватным, так сказать. Гена приходил ко мне удивительно часто, несколько раз он был и на отделении, некоторые пациенты знали его и мою историю, но знали частично, о том что я был таким же как Виктор разговор как то никогда не заходил. Просто знали, что меня перебитого и беспомощного он выходил, почему я попал сюда, вопросом никто не задавался. Так прошло два года. Гена попал в аварию, ездил с мандаринами с овощной базы на Софийской, однажды утром торопился и подъехал слишком быстро для легкого морозца к перекрестку, тормозной путь как две серые стрелы уходил до того места, где в него врезался грузовик с полуприцепом, арбузы вез вроде. Когда рассказывали мне про это, у меня в голове возник образ умирающего Гены, с перекрученной рукой, разорванными селезенкой и кишками, деформированной грудной клеткой, смотрящего, как бабки и утренняя пьянь с дискотек и гулянок налетели на его мандарины, покрывшие всю поверхность дороги. При ударе обрешетка прицепа треснула, тент порвался и сотни полторы арбузов тоже улетели на дорогу. Такой фруктово-ягодный коллапс. Мне было жаль его так сильно, но я ничего не мог сделать, чтобы выйти отсюда. Моего Гену, моего спасителя, похоронили где то, его хрущовка – двушка осталась пустой. Вот и нет Гены, остался я один совсем. Не то чтобы я к нему прямо привязался, но этот человек меня радовал, хоть и был он сам по себе совсем безрадостным. Однако за два месяца до своей кончины, он подарил мне самый великий и в то же время самый опасный символ моей новой эпохи. Он принес мне ключ. Ключ, который сразу же стал тянуть мою память в зоны моего мозга, с которых я мог считывать информацию. Ключ, который в то же время сразу запустил мой маятник краха сознания. Моим ключом был поезд. Конечно тогда ни Гена, ни я не понимали, что оказалось в моих руках. Тогда в моих руках был небольшой журнал. Он просто принес его с собой. Даже не журнал, а такая газета рекламных объявлений, выполненная более качественно, чем то, что раздают по утрам у входа в метро. Как то она оказалась у меня в руках, не помню, вроде у Гены она в карман плаща не влезла и он положил ее рядом на столе. Я листал картинки, читать я конечно тогда ни «гу-гу», да вообще с чтением и письмом дела хуже всего. И тут что то прямо обожгло мои глаза. Что то стало лезть прямо в голову, какие то круги цветные, а потом я как будто вроде стою, но эта картинка проступала в сознании так тяжело. Кажется, что пытаешься рассмотреть помехи в телевизоре и увидеть в них образы. Вроде какие то люди.

Стоят, кто то говорит друг с другом, много людей, многие смотрят куда то вдаль, куда то, где должно появиться что то... —..шаа, Леша, Алексей – я вдруг из пустоты слышу этот голос, но даже не сразу же понимаю, кто зовет меня, да что там, не сразу понимаю, что зовут именно меня. – Ааа? – Ты чего так вцепился в книжку то? И бледный весь... Так вот, а я короче ему говорю, Ашот ты бл... – Я опустил глаза на книжку, уже опять не слушая, что там у Гены с Ашотом. Что то кололо меня. Не кололо в буквальном смысле, но кололо мой разум. Моя связь с прошлой жизнью. Моя реальность. Мое спасение. Мой ключ. Мой выход, мать его. Я развел побелевшие скрюченные вцепившиеся в страницу пальцы. На странице были стандартные рекламные модули, всего шестнадцать на полосе. Отели, отдых, бронирование билетов, прокат авто. Но мое внимание привлек лишь один модуль. И не текст на нем, я смотрел сквозь него на фон картинки. На нем была запечатлена фотография, сделанная около 20 – 25 лет назад. Небольшое здание простой незамысловатой архитектуры, никаких вывесок, никаких кондиционеров, просто два этажа оштукатуренного кирпича или бетона с коротким шпилем. Цвет грязно желтый. Коричневые прямоугольные оконные рамы. Длинная бетонная полоса с черной простецкой оградой с одной стороны, две железные лестницы. У здания четыре длинные скамьи с облупившейся краской. Тогда я еще не знал что это, но чувствовал, что мое сознание как то реагирует на увиденное мной. На рекламном блоке была фотография железнодорожной станции. Это мой ключ.

3

Теперь, я сидел и смотрел на Виктора, на его глупый бессмысленный взгляд, на крупную царاپину, которую оставила коронка ферзя на его щеке, и думал. Думал о себе и о своих часах, которые неумолимо отсчитывают время до следующего момента, после которого я уже не буду знать о Викторе, не буду знать о мире, о КПСС и руле, о Гене... я даже не буду знать о себе. Странно, но я как то седьмым, а может восьмым или девятым чувством понял, что я такая же как и Виктор жертва сбоя. Может это болезнь, эксперимент, проклятье, может божья кара, но я нисколько не сомневался, что меня ждет судьба Виктора. Хотя откуда мне знать, может меня сбросили с поезда. Два интеллигентных с виду пидорка раскатали в тысячу или в очко, а потом раз – и в колоде вдруг две одинаковых «десятки» при сдаче. И когда я начинаю возмущаться, вдруг один говорит другому – Это чё за дела пидор! – достает из кармана какую то штуку, вроде из дерева или текстолита, похожа на пестик для размолы сахара. Но этим «пестиком» по голове получаю я. Я не вырубаясь, но удар такой силы, что боль кажется питается моими силами и съела их без остатка. И меня как мешок с помоями, ударяя о ручки дверей купе тащат на площадку. Еще мгновение, и я лечу. Красиво. Но быстро. Стремительно приближающаяся и летящая щебенка насыпи. Удар. Чернота. Боли нет. Она придет потом, не забудет, будь уверен, она постучится так что содрогнуться океаны в твоей голове. Картинка в моей голове была такой четкой, что я поверил ей, но... Но нет, это не так, я не летал с поезда, это насильно созданное воображение, так я пытаюсь заполнить свою память. А может и не я пытаюсь. Так, хватит! Надо уходить отсюда. Виктор уже похож на чертов овощ и опять слетел со своей спирали, по которой пытался подняться к истине. Побег, вот что мне нужно. Спустил почти семь лет птичка выпорхнет из своей клетки. Два дня я жил этой мыслью. Правда в голове всегда крутилась одна ерунда. Отважный Леха ломает охраннику шею. Отважный Леха забивает Лупыря ногами. Отважный Леха прыгает в стог сена с третьего этажа, перегрызая решетку. Все бы классно, только стога сена то у нас не было под окнами, а только голый асфальт. И этаж пятый. А Лупырь был меня на голову выше и сам понимаешь, на наших харчах тут особой силой не наполнишься. В общем все мои планы были весьма сомнительны, если конкретнее – полная хрень. В среду я случайно поговорил с Большаковым, он был на отделении с какой то кодлой дядек в костюмах. Разговор зашел о Гене, и я аккуратно спросил, где тот жил. Доктор наш конечно точно не вспомнил, сказал, что в карточке может моей есть адрес его, в графе «родственники» – Хороший дядька был да?

– Да

– Скучаешь по нему?

– Да чего то в последнее время чаще обычного вспоминаю

– Это хорошо Алексей. Я все таки за твою память переживаю сильно. Ну, у тебя есть еще вопросы? – Да нет, спасибо Лев Юрьевич.

– Ну, будь здоров

Он пошел догонять быстрым шагом дядек. Когда я увидел Виктора на третий день, услышал его крики и мат санитаров, я твердо решил, что выберусь отсюда. Я очистился и стал мыслить трезво, грамотно и профессионально. Но куда мне бежать, я не понимал, как и не понимал, зачем. Ну да ладно, будем решать задачи по мере их поступления. Мне нужна моя карточка. Как достать ее я думал неделю. В коридор смотрят камеры, по одной на каждом этаже всего этажей восемь, и хрен его знает, где архив. А я в этой идиотской пижаме далеко по коридорам этого здания не уйду. На самом отделении у нас не было камер, и я стал потихоньку собирать себе «гардероб». Надо сказать, на это у меня ушло около месяца. Дело в том, что мне пришла в голову идея подворовывать вещи у посетителей нашего же отделения. Через тридцать дней у меня была женская кофта, вкусно пахнувшая хозяйкой чуть старше

двадцати пяти, единственное что я смог раздобыть. Это все, что оказалось безнадзорным за этот месяц. Самое главное, что фортуна не изменила мне: хозяйка кофты так заболталась, что одела на себя дубленку и ушла восвояси. Ее дядя, моряк рыболовецкого флота лет шестидесяти, контуженый где то на Балтийском море при взрыве противолодочной мины времен Второй Мировой, страдал провалами в памяти и когда он переставал узнавать всех своих многочисленных родственников (а жили они в шести – комнатной, выкупленной комната за комнатой за почти пятнадцать лет коммуналкой) и начинал бегать за ними по квартире с веником и в немецкой каске, они определяли его сюда. Дядю быстро приводили в себя и память услужливо возвращалась к нему. Жаль, что это не мой случай. Ну да ладно, короче, когда девчонка опомнилась о пропаже, вспомнить кто и где крутился в тот день никто уже не мог. Ну все и «забили», пропала и пропала. Все, окромя меня, хе, хе, хе! Кофта, меньше мне размера на два, противного мне сиреневого цвета, лежала в самых моих сокровенных закромах – за унитазами в нашем чудном сортире. Лежала, и ждала своего часа. Я еще три недели думал, как мне найти архив. Однажды решил воспользоваться моментом и начал «чморить» одного из своих «друзей по несчастью» мол если он откинется, никто и знать не знает, кто это, выкинут на помойку к крысам и всего делов. Я видел, что идет Лупырь и надеялся, что он вдруг проявит интерес к мизансцене, этот урод любитель постебаться. И провидение меня вознаградило и в этот раз. – Не мы его в простыню закатаем, в ж. пу цветочек и родственничкам. – Так а откуда вы узнаете про родственничков? – От верблюда, архив же есть, додик! – Да ладно!? – Блин, ну ты сайгак точно, конечно, а ты че думал, мы тут всех просто по памяти держим. Там на третьем такой сарай с архивом, квадратов девяносто! – Дааа? – я пытался судорожно продолжить разговор, почему то думая, что Лупырь поймет, что я его раскрутил на эту информацию и начнет пытаться меня, зачем. Но в голову ничего не лезло, только светлая мысль, что я теперь знаю, где архив. Даже от радости долбанная улыбка полезла на рожу. Я сокрушил ее, щипнув что есть силы себя за задницу одной рукой, которую держал за спиной. Я так перестарался, что чуть не пустил слезу. Самое поганое, что эта ситуация опять показалось мне смешной. В общем Лупырь даже немного растерялся, когда увидел у меня на морде такую быстроменяющуюся гамму чувств. Посчитав, что я все таки задал ему вопрос из праздного любопытства, он многозначительно поднял вверх свой палец – сосиску и полу тихо изрек – Вы все у нас записаны, все подписаны, вы все у нас на крючке. Я ходил взволнованный три дня, на четвертый все же решился. Была суббота, денек неудачный для пикничка, около минус девяти, но без снега, поэтому многие родственники добрались до своих дуриков. Двери не запирались, сестры получали свои скромные выходные вознаграждения, коробки с печеньем, конфеты, цейлонский чай в пакетиках. Все это собиралось в сестринской, сегодня вечером весь персонал отделения будет гулять. На посту сидела Глаша, крепкая баба весом за центнер. Она трещала по телефону около тридцати минут, когда я как раз решился и вышел в коридор. Вот сволочь, думал я, и когда уже практически решил отложить все на завтра, она вдруг повесила трубку. – Машка! Машка, привезли шмотки в приемный опять, говорят колготки есть как в прошлый раз! – Машка, Марья Николаевна, тоже здоровая махина, выпрыгнула из процедурной двумя дверями дальше поста. – А, так пошли, Семеновна через три минуты будет. И они обе ускакали. Как мило. Я резво напялил на себя кофту, кое как застегнув перламутровые пуговицы, и поперся торопясь к выходу с отделения. К счастью для себя я прошел незамеченным. Боже, только бы никто не запалил меня в этой кофте, еще подумают, что трансвестит. Сумасшедший трансвестит это уже тебе не черти в голове. Я практически галопом долетел до двери отделения, но заставил себя остановиться в нескольких сантиметрах от нее. Аккуратно посмотрел, приоткрыв ее, в появившуюся щель. Не приперлась ли горластая Семеновна, тварь которая хлестала меня по морде половой тряпкой. Погоди у меня, ты еще очень горько пожалеешь об этом. Но ладно, не сейчас, сейчас вперед, в коридор, мимо поста охраны этажа. Я выбрал кучку людей,

выходящих с дневного стационара побольше и примкнул аккуратно им в хвост процессии. Прошел пост охраны и поплелся за ними к лифту. Пока мы ждали его, несколько людей с легким удивлением посмотрели на меня и мой наряд. Ничего, у нас не Финляндия, как говорил мой учитель, никто из них не попрется на охрану и не скажет, что видел подозрительно одетого человека. Это потом, если что случится, все будут ругать милицию, что не доглядели. О том, что преступника до этого видели человек тридцать, и две трети из них посчитали его подозрительным, никто не скажет. У нас милиции должно быть мно-о-ого, потому что всем на все наплевать. Людей в вестибюле собралось на удивление много и я, ужасно нервничая, смог попасть в кабину лишь с третьей попытки. Там все как один, мои одноразовые соседи, ехали в самый низ. Когда лифт тронулся, я, мне в этот момент показалось, что все пассажиры смотрят исключительно на меня, протиснул руку к панели и нажал на кнопку с тройкой на брюшке. Мучительно долго, хотя реально наверное секунд десять, кабина ползла вниз. Прodelьвала она это так плавно, что я сначала даже подумал, что лифт сломался. Это ж надо, именно сегодня начал трястись я, и в то же мгновение с мягким звуком кабина остановилась. Чавкнули двери. Передо мной виднелась стена тамбура, серого цвета с корявой римской Ш. Я поспешил выйти. Когда за мной закрылись двери, я успокоил сердцебиение. Вообще я часто раздуваю из мухи слона, например, сейчас я думал, что если меня кто –нибудь обнаружит здесь, то сейчас же застрелит здесь, прямо на этом цементном полу. Возможно, даже скорее всего, я преувеличивал, но ничего не мог с собой поделать. Аккуратно я выглянул из тамбура в коридор. Над моей головой висела камера. В обычном кожухе, не купольная, так что я прекрасно видел, что с помощью нее просматривают коридор, я же в тамбуре был невидим для охраны. Где находится архив я разумеется не знал. План был таков: идти уверенным и быстрым шагом по коридору, стараться как можно раньше прочитать слово «Архив» на двери и смело открывать дверь, если она конечно не заперта. Если заперта, то пройти по коридору дальше, чтобы не привлекать внимание, как будто я знаю, где искать работницу архива, если ее нет на месте, или где взять ключ от него. Я спокойно и по деловому, как мне казалось, вышел в длинный коридор и пошел вдоль его правой стороны. Твою ж мать! Тут нет табличек! Весь мой план грозил провалиться. И вдруг! О чудо! Какой то золотой человек все таки повесил в пластиковом файле на клейкой ленте лист формата А4 с написанным ручкой на нем заветным словом. Я по деловому подошел к двери. Я был на сто процентов уверен, что та не откроется и что сработает сигнализация, но дверь с щелчком открылась, и я не колеблясь вошел в нее. Внутри горел свет. – Кто там? Вдруг раздался мягкий престарелый голос. – Кто там?. Этого я не ожидал, даже чуть не обмочился сперва. Из небольшого предбанника, в котором я находился в три стороны вели три двери. Прямо как русский богатырь на распутье. – Валь, ты? Послышались шаги за дверью слева. Я прошмыгнул в центральную и прикрыл ее за собой. – Да кто там! Эй! Она вышла в предбанник. Что то невнятное пробормотала. Открылась основная дверь, потом со щелчком закрылась, наверное она посмотрела в коридор. Шаги удалились. Я не понял куда именно, но надеялся, что в то же помещение, откуда она вышла. Уф, пронесло... Я стал внимательно рассматривать стеллажи. Это были стальные сборные конструкции в шесть полок метров по пять длинной. Всего в комнате их было девять. На них были уложены коробки из под бумаги. На углах секций висели цифры. Как я догадался, это были номера отделений. Каждая коробка имела так же номер отделения, а через тире – порядковый номер коробки. Это меня мягко говоря, расстроило. Никакого намека на алфавитный порядок. Однако, я тут же отбросил эту проблему: я не знаю своей фамилии. Ладно давай разберемся, как тут устроена сортировка. Достав одну из коробок с номером «11» (мое отделение), я аккуратно открыл ее. Внутри средней толщины папки, на каждой папке маркером написан номер из пяти цифр. Номер?? Открываю папку. Дмитриев Игорь Геннадиевич, 1954 г.р., шизофрения, не агрессивен... Номер 11022. Такссс.. Давайте разберемся. А какой у меня номер?! Его накололи? А где? Может, он вышит на одежде?

Но тогда где? Я начал осматривать свою одежду, похвалив себя, что не оставил больничную куртку в палате. Номер, бирка с моими заветными цифрами, оказалась пришита внутри рукава. Я и понятия не имел бы о ней. Папки, к счастью, лежали по порядку. Пришлось вскрыть еще две коробки. В последней, я нашел свой. Папочка не увесистая, не засаленная. Видимо, я типичный представитель, никого в общем то и не интересую. Стандартные записи корявым врачом почерком о диагнозах, результаты анализов, какие то даты профилактических мероприятий, назначения... В общем, ничего интересного я не обнаружил, кроме записи, единственно важной в этом импровизированном досье на меня. Вторая страница, сразу за блоком с моими физиологическими данными. 22/10/1990. Поступил на отделение 04 из НИИ Скорой помощи. Сопровождающее лицо: Хвостин Геннадий Александрович, 1949 года рождения, адрес... Адрес! Проспект Солидарности, 56 – 1 кв. 90. Интересно, солидарности между кем и кем?. Вот пункт моей следующей остановки. Я не хотел привлекать внимание к странице с адресом, а точнее, к ее отсутствию, поэтому поплелся опять к центральному предбаннику. Аккуратно приоткрыл дверь. К моей радости, я нашел ручку на тумбе возле общей входной двери. Я написал адрес у себя на запястье, аккуратно и кропотливо выписывая непослушные буквы одна за другой. Когда закончил, ручку все же решил оставить себе. Я вернулся в зал, аккуратно вернул папку на прежнее место и взгромоздил коробку обратно на стеллаж. Потом тихонько прошел обратным путем до того места, где «чуть не спалился». Я не стал опять размашисто открывать дверь, вышло очень уверенно и уж слишком громко. Я спокойно открыл ее, вышел в коридор, затворил ее, на сей раз с едва слышным щелчком, хотя и сделал все быстро. По пути к лифту, я сделал вид, будто что то старательно ищу в кармане свитера и старался не показывать лица в объективе. В общем получилось. Вызвал лифт. Я был крайне приятно удивлен, когда благодаря случаю, сначала оказался один в кабине, а потом выйдя на своем этаже, не застал на месте Ни Машки, ни Глашки, ни Семеновны. Просто праздник какой-то! Я аккуратно прошмыгнул в дверь и добрался до своей конуры. Стянул свитер и спрятал его в недра своей постели. Уфф, ну в общем то все прошло гладко. Итак, теперь я знаю, куда мне сперва бежать. Остался один большой вопрос: как. Главное было повернуть это в среду или даже в ночь со вторника на среду: со среды до понедельника сейчас обходов не было, переключек тоже, Лупырь расслабился, женщина у него что ли появилась? Короче, больше шансов, что позже заметят мое отсутствие. А чем позже, тем лучше, появляется фора во времени. Но как уйти? Нам тут с перемещениями не очень. Я мог дойти до первого этажа, пользуясь своим маскарадом, но проскочить турникет с охраной на выходе в холл первого этажа и будку на выходе с территории мне представлялось сомнительным. Я мог бы махнуть через забор, если бы оказался на территории, но рисковал попасться в объективы периметровых камер. Время было. Еще три дня до вторника, но, к сожалению, я еще по истечении этих трех дней уже перебрал и отбросил все варианты. В воскресенье все, как всегда умирало. Посетителей было мало, все маялись от скуки, как и прежде пытаюсь просто быстрее прожить этот занудный день. И такие дни у нас были практически все. Никаких событий, никаких свершений, просто он сначала начинался, а потом кончался безрадостным вечером с тусклым коридорным светом и серой тоской по чему то. Сначала я исправно употреблял все без исключения таблетки, что давали мне мои доктора, считая, что они способны вернуть мне память. Когда я узнал про Виктора, и осознал, что я его синоним, я стал постепенно сплевывать лекарства в раковину или унитаза, мне стало казаться, что эти лекарства как бы размазывают меня. Мне становилось как то удобно пусто, мне уже ничего не хотелось, ни думать, ни сомневаться, ни осознавать что либо. Хотелось просто досидеть до серого вечера, выпить снотворного, и баиньки. Это, наверное, как отказ от наркотиков. После моего отказа от лекарств, мои глаза стали видеть все в более сером и безысходном для меня свете. Собственно, это и заставило меня действовать. В общем, в это памятное серое воскресенье Вовчик и Бенья играли в слова. Я не участвовал, грыз ногти в сторонке придумывая и отменяя новые планы своего освобождения. Они играли

по самым демократичным правилам – слова из любой темы, имена и прочие послабления. – Барак. – Канализация. Яйцо. – Отруби. – История. Стоп! Что он сказал?! Канализация? Как то Рустик рассказывал, что там крысы ростом с собаку небольшую. Я подошел к окну. Интересно, я сойду за небольшую собаку? Или за большую крысу? Внизу в, быстро сгущающейся темноте черным пятном виднелась крышка канализационного люка. Не подходит, слишком на виду, еще о моем и фонарь рядом горит. Внимательно поползав взглядом по открывшейся мне из окна территории, я увидел еще одно черное пятно в редкой лесополосе. А вот этот может мне подойти, ага, еще как подойти. Через два дня это случится. Через два дня я выберусь отсюда или погибну. А если погибну? Нееет, нет братцы, так не пойдет. Шесть лет ради смерти в сточной канаве? Это не мой случай. Это не для меня, я выберусь. На свободе надо как то узнать, где улица Солидарности. Как это сделать? Надо подсобрать еды. Перемещаться надо в темное время суток. На улице холодно а у меня нет одежды. Столько вопросов без ответов. Столько сложностей... Насрать. Главное, что я выпорхну отсюда, чего бы мне это не стоило и у меня есть ответ на вопрос как! Гм.. Вернее, выползу. Я сфокусировал взгляд на оконном стекле и увидел свое отражение. На лице светилась довольная ухмылка. Все хорошо дружок, все будет на пять. А теперь спать. В понедельник и вторник я не съел ни выдаваемый в обед сдвоенный кусок ржаного хлеба, весьма вкусный кстати, ни утренней выпечки. Вечером было немного овсяного печенья, его я тоже припрятал, еще и соседей по столу натырил. Все было упрятано в недра моего пододеяльника. Кофта же была ночью с субботы на воскресенье, перед генеральной еженедельной чисткой, спрятана за бачок в туалете. Итак, к вечеру вторника, я был готов к своему бон вояжу на свободу. В восемь вечера выключили свет. Оставляли только дежурное освещение. У лифтовых дверей сидела охрана, но курить все ходили на два этажа выше, там тамбур был больше и стояли стулья кажется. Я нетерпеливо ворочался в кровати. Я боялся накануне, что засну, но ошибся. Никакого сонного состояния не было и в помине, я был как натянутая тетива. Промаялся шесть часов, на дворе было два ночи. Я надеялся, что уж теперь все дрыхнут до шести как минимум. Аккуратно, почти не проскрипев древними пружинами кровати, я встал. Пошебуршился в пододеяльнике, отрыл все булочки, хлеб и печенье. Затем мышью прошмыгнул в туалет, выудил из своего «сранного» тайника кофту. Вернувшись, я разложил ее на кровати, положил в центр свои скромные харчи, и затянул рукава узлом. С этой котомкой, я тише таракана проследовал к двери лестницы. Клара развалилась на стуле, далеко назад запрокинув голову так, как будто она собиралась отвалиться и покатиться за мной следом с воплями «беглец, сука, лови!». Я непременно ожидал от человека такой комплекции страшного храпа, но она дышала так тихо, что я слышал отголоски разговоров в курилке этажом выше. Мягко, на кошачьих лапках, мимо ее стола. Тихонько открываю дверь. Эта сволочь предательски поскрипывает, но Клара не слышит. На площадку. Дальше тихонько спускаюсь ниже, предварительно аккуратно посмотрев вниз. О счастье мне, никого! Этаж, еще этаж, и еще. Вот наконец я на втором. Ниже нельзя, там общая вахта и как минимум трое на этаже. Придется прыгать со второго. Потолки тут где то три с полтиной, будем надеяться, что все обойдется. Я аккуратно приоткрыл дверь и, убедившись, что охраны поблизости нет, шагнул в черноту проема. Оказавшись внутри тамбура, я прошел его и открыл дверь в коридор, сразу же подняв глаза в поисках камеры. Она стояла практически над дверью, и глядела в глубину коридора. Нет, не вариант. Я вернулся на лестницу. На площадке между вторым и третьим этажом было два узеньких окошка. Я мог бы скорее всего пролезть в них, но два с половиной этажа... Прыгать с шестиметровой высоты было страшно. Я вроде и боли то не боюсь особо, но все равно перспектива сломать ногу, а на улице дело к пятнадцати ниже ноля. Я так бы и стоял до скончания века в раздумьях, но вдруг наверху открылась дверь. Голоса стали намного громче и отчетливей. Шаги тяжелых высоких шнурованных ботинок загрели вниз по лестнице. Я был в панике, еще чуть – чуть и я подпустил бы в штаны камней. Но владелец ботинок застыл, едва успев начать движение.

Более тихо, он опять прошел на верх. – О, Гришка, Да давай, заходи еще по трещим! Да давай бля! Дверь громко захлопнулась. Медлить нельзя. Слава богу, ручки оказались на месте. Я быстро повернул их распахнул хлипкую раму настезь. Холод бросился на меня как ледяной медведь, схватил за плечи обнял, стиснул яйца. Твою мать, вот это дубак. Так точно сдохнешь где – нибудь на улице. Так! Заткнись и лезь в окно сука, а не то твоя морда скоро познакомится со шнурованным ботинком! Я с трудом протиснулся в узенькое пространство оконной рамы, посмотрел вниз. Вроде ничего страшного, даже не кажется, что высоко и снежок внизу. Только проблема, что земля промерзшая и твердая, как мраморная плита. Ну и хрен с ним. Я просунул обратно и выбросил сперва свой «саквояж». Так, теперь сам. Я опять с трудом полез в проем. Сначала правая нога, потом с мучениями туловище. Дальше правую ногу взгромоздил на узкий дохлый подоконник, правой рукой схватился за раму и стал подниматься вверх. В результате я оказался на улице, стоящим на подоконнике в проеме окна, доходящего мне только до пояса. Я аккуратно присел, схватился руками за раму, и свесился вниз. Я висел так наверное с минуту, которая показалась мне вечностью. Я испугался прыгать, потому что посмотрев вниз увидел, как же я все таки высоко. Но сил забраться обратно у меня уже не было. В запястьях, в том месте где самоубийцы обычно вскрывают себе вены, невероятно больно, секунду за секундой, все глубже и глубже вгрызался подоконник. Короткая пижамная рубашка поднялась выше пупа. Поясницу, кисти рук, ноги и лицо нестерпимо жгло морозом. В конце концов, я разжал пальцы и полетел. Мне было так плохо, что я уже, как мне казалось готов ко всему. Вспомнил, как мне мерещилось, будто меня выбросили из поезда карточные лохотронщики. И тут я приземлился. Резко заболела левая нога где то в районе голени. Еще я упал как бы назад, ударившись сильно рукой об какую то железяку. Больно, но не смертельно, ходить я мог. Окно я конечно же не мог закрыть за собой, поэтому, рискуя быть обнаруженным, я припустил к заветной черноте лесополосы. Да нее было шагов двести плюс надо завернуть перед этим за угол здания. Добравшись до своего укрытия, я взглянул на люк. От мысли, что мне надо будет лезть туда, мне стало как то не по себе. Но делать нечего, решение принято. Я приподнял крышку. Вроде никакой страшной вони и журчания не слышно. Я поднял крышку и отбросил в сторону. Самое неприятное, что ни черта не было видно, а у меня ни спичек, ни фонарика. Я начал ощупывать бетонные стенки в поисках, за что бы зацепиться при спуске и нащупал на глубине сантиметров в семьдесят металлическую скобу, залитую в бетон, не иначе как ступеньку. Я подтащил крышку люка и практически наполовину закрыл ею отверстие. Затем встал ногой на скобу, схватился руками за край бетонной трубы и стал в темноте шарить второй ногой в поисках следующей ступени. К счастью она нашлась. Мне надо было двигаться, холод уже так сковал мои конечности, что пальцы стали похожи просто на связанные со мной только болью палки. Я с грустью вспомнил период, когда я не мог управлять своим телом. Чтобы закрыть люк пришлось попотеть. Я не без омерзения уперся в ледяную бетонную стенку спиной и стал водружать люк на место. Наконец он с гулким лязгом зашел в свой фланец и отсек меня от любых источников света. Я струхнул и попытался поднять люк опять, но безрезультатно. Мдааа. А если внизу нет прохода? Черт! А следы!? Я ведь не стер следы! Идиот! Ладно, стал успокаивать я себя. Для такого дилетанта как ты это в порядке вещей. А выход обязательно будет. Я стал на негнущихся ногах спускаться вниз, благо за второй ступенькой нашлась и третья и четвертая. А потом я ступил в вводу. Я думал, что уже испытал «ледяной шок», но эта вода. Она так обожгла меня холодом, что у меня иголки закололи по всей ноге. Это как если ты заснул на своей руке и он затекла под тобой. Это ужасно. Я даже заревел как медведь, правда тихо сквозь зубы. Я приподнялся опять и стал ногой ощупывать стены, и на противоположной лестнице стороне нащупал провал, причем сухой. Слава богу, значит тоннель заполнен водой не доверху. Я аккуратно стал свешиваться на руках проклиная все на свете и думая, что умру прямо здесь, в этом поганом колодце. Особенно уверенность возросла, когда ледяная вода стала обволакивать промежность и живот.

И тут настало дно. Я встал на него твердо, обеими ногами и осмотрелся. Конечно, сделал вид, потому что я стоял в крошечной тьме. Руками нащупал потолок трубы. От потолка до поверхности воды сантиметров тридцать. Неплохо, очень неплохо, жаль только, что нужно идти нагнувшись, еще и свернутую кофту держать над головой. Глубина же воды была что то около метра с небольшим. Вода не стоячая, но очень вялотекущая. А может, вовсе это и не вода? Вода бы замерзла наверное... От этих тягостных мыслей стало совсем кисло. Да а в общем чего уж теперь киснуть. Валить надо! Я стал потихоньку, согнувшись совершенно в уродской позе, двигаться вперед. Двигаться старался как можно быстрее. Вряд ли меня кто то услышит, а вот тело, а особенно ноги, начинало неметь. Я сделал около шестидесяти шагов. Ноги стали болеть меньше. Плохой знак. Но теперь пути назад уже не было, и я стуча зубами и кусая ими до крови посиневшие безжизненные губы плелся вперед и вперед. В результате, я доплелся до развилки. Пошел направо. Мне показалось, что окружающая меня жидкость стала теплее. Сначала я подумал, что это я остываю, но какое то время спустя с радостью констатировал, что окружающая меня субстанция стала и вправду теплее. Вскоре я понял причину: справа от меня стена была сильно нагрета, скорее всего, там проходила труба горячего водоснабжения. Окоченение потихоньку стало отпускать, мышцы ног к сожалению, благодарили меня за это сильной болью. Но вскоре прошла и она. Я двигался уже более свободно и быстро не смея позволить себе думать о том, что может поджидать меня в этой крошечной темноте. Все это сказки, и про крыс размером с пони, страшных монстров, которые подкрадываются к тебе сзади и разбивают тебе череп одним точным ударом. Что за бред! Можно подумать, тут только все и шляется, откуда такие познания! – Я тебя не боюсь! – сказал я громко в плотную темноту. Ну конечно же, ответом был едва слышный всплеск где то далеко впереди. Допизделся, подумал я с досадой. Но все равно брел дальше. Чем дальше я шел, тем громче становились всплески. Через какое то время я понял, что это не отдельные всплески, а непрерывный звук падающей с небольшой высоты воды. Пройдя еще метров семьдесят, я вышел, как понял по звуку, в некое достаточно большое помещение. Коллектор. Здесь, по всей видимости, сходились несколько таких же труб, из которой пришел я. Сверху с редкими перерывами стекала вода. Сначала я долго сидел уставившись в пустоту и пытаюсь решить, куда мне топтать дальше. Решил подкрепиться. Слава богу что еда не промокла. Так я сидел минут с двадцать, молча жуя кусок хлеба. По закону подлости есть конечно же не хотелось, зато я умирал от жажды. Мне вдруг стало себя так жалко, как никогда не было доселе. Я чуть было не разрыдался, сдержался конечно, но глаза все равно стали влажными. Я сидел дальше, и вдруг начал понимать, что вижу едва различимые очертания проходов. Глаза привыкли к темноте? Без сомнения, но в крошечной тьме увидеть что то... Я поднял глаза вверх и увидел над собой где то с десятков бледно – белых точек. Расстояние до них определить было сложно, но по всей видимости не меньше пяти метров. Даже на такие бледные источники света смотреть было больно. Но кажется, мой вояж по подземельям подходит к концу. Я стал тщательно ощупывать стены своей кельи и нашел знакомые мне уже скобы. Стал осторожно подниматься. Все выше и выше. Точки света все четче и четче. Это люки. Два люка, слава богу, а над ними... Я не знал, который час и сколько я болтался под землей. Я чувствовал как в тело в мокрой насквозь одежде опять с каждым шагом наверх впивается холод. Когда я уже уперся головой в люк, в голову пришла забавная мысль: а что если я вылезу опять на территории больницы. Ты очень скоро перестанешь находить ее забавной – ответил я себе. Зубы уже опять стучали. По ту сторону люка был слышен какой то монотонный шум. Вылезать совсем не хотелось. Я уперся в люк лопатками и напруг ноги. Люк неохотно пошел вверх. Спустя мгновение, полоска света резанула по глазам и я чуть не улетел вниз. Я постоял с закрытыми глазами с полминуты и стал медленно их открывать. Сперва посмотрел в щель сквозь сомкнутые ресницы. Затем немного приоткрыл глаза. В зазор между колодезным кольцом и крышкой люка виднелся только снег. Видимо, сюда все таки доходило тепло снизу и он растаял над крышкой. Я приподнял крышку

еще выше. Первое, что я увидел в образовавшемся «окне» – дорогу. Широкую, как минимум по два ряда в каждую сторону. Отсюда и шум. Туда – сюда сновали разноразмерные автомобили одинакового грязного цвета. Шел небольшой снежок. За дорогой была невысокая ограда из гнутых металлических прутьев. Все вокруг дороги грязно серого цвета. Был день, вернее, наверное, позднее хмурое утро. Вылезать в таком виде совсем не хотелось. Мне пришлось залезть обратно в свое убежище. Однако, сперва я, пользуясь тем что впустил туда свет, внимательно осмотрелся. Я заметил несколько тонких труб, проходящих в верхней части коллектора и практически сухой тоннель также проходящий в верхней части. Сперва я хотел оставить люк открытым, запихнув что-нибудь в зазор между кольцом и крышкой, но пришел к выводу, что запущу сюда слишком много холодного воздуха. В носу уже противно свербило, сопли висели с кончика носа и начинало болеть горло. Простуда мне обеспечена. Не зачем опускать здесь температуру еще ниже. Я закрыл люк, оставшись снова в крошечной тьме: глаза уже привыкли к белому миру сверху. На ощупь я аккуратно спустился на широкую трубу. Тонкие, замеченные мной ранее, как я и предполагал, к счастью оказались горячими. Я полностью разделся, развесил свои убогие шмотки на трубы. Голым улегся на широкую трубу. Было конечно... В общем спать было нельзя, риск свалиться с трехметровой высоты в воду во сне был слишком велик. Можно было бы спуститься ниже и устроиться внутри трубы, но там было сантиметров десять воды, я боялся окопного синдрома, про который мне как то рассказывал Чипа, один из пациентов. Я постарался просто отключить все мышцы от разума, дав им отдохнуть. Конечно у меня ничего не вышло. Я промаялся до темноты, устал еще больше. Меня доставал насморк, суставы ломило. Когда свет из отверстий в люках стал настолько слабым, что я уже перестал различать его в окружающем мраке. Я решился на вторую попытку. Одежда чуть просохла, но все равно была влажной. Плюс ко всему у меня начался кашель. Дело дрянь. Поднявшись под самый купол своего жилища, я снова уперся лопатками в крышку люка и приподнял его. За ним была темнота, разрезаемая светом фар и фонарями уличного освещения. Господи, да куда они все едут то?! Чего дома не сидится? Я собрал все свои силы и оттолкнул крышку. Она с глухим стуком упала на соседнюю. Проклятый холод сковал все тело с новой силой. Теплая после труб одежда стала стремительно остывать и жечь кожу. Я вытащил свою тушку из колодца и вывалился как полудохлая неуклюжая личинка прямо на снег. Нога еще болела после прыжка из окна. Но несмотря на всю отвратительность моего состояния, я еще мог двигаться, должен был. Я быстро осмотрелся. Рядом со мной – железнодорожный мост, по нему как раз грохотал товарный состав. Что то необъяснимо стало щелкать в моей голове, что то говорило мне – Поезд, да поезд, помнишь, что было с поездом, подумай хорошенько, что значит для тебя этот поезд. Это важно дружище, очень важно, это вся твоя жизнь, вспомни, всомни, давай вспоминай, вспоминай, вспоми... – Хватит – отрезал я, не сейчас. Витка вон до вспоминался, лежит сейчас как дибил полный и срет под себя. Позже будем разбираться с поездом. – Я лишь хотел, чтобы ты не забывал... – Не забуду, можешь быть уверен! – Как знаешь, как знаешь... Даааа, хреново наверное разговаривать с собой, но при отсутствии других собеседников... Тут я опомнился и осознал, что стою на морозе и ветру, в сырой одежде, и как идиот таращусь на проходящий состав. Ноги уже резало от холода. Я стал прыгать на своих негнущихся бедных ножках. Слева от меня был какой то парк, справа, за уже замеченной в прошлый раз оградой – река. Огромная широкая река, практически скованная льдом и только у самой середины вяло несущая свои черные воды под серым зимним небом. Это Нева. Может и нет, в этом городе много рек, я не помню, как они выглядят, но я решил, что это точно Нева. За парком виднелись горящие окна домов. Жилье. Там люди, там тепло. И хоть я знал, что меня никто не ждет за этими окнами, я поперся туда. Окна излучали уютный свет, на такое же излучения от тех, кто был за окнами, рассчитывать не стоило. И хрен с ними, по крайней мере я должен как то греться, пока не околею тут насмерть. Я быстрой хромой походкой ковылял до ближайшего дома. Зимняя прогулка

на свежем морозце заняла минут десять и как мне показалось, чуть не стоила мне жизни. Я еле – еле дотянул до подъезда и уперся в закрытую дверь. Рядом была панель с кнопками, на кнопках двухзначные номера. Что это еще за хрень?! Мне казалось, что с каждым вздохом мне все тяжелее дышать, бронхи разбухли и я с трудом закачивал себе в легкие воздух. Началась страшная отдышка и в глазах стало периодически темнеть. Господи, неужто так? В это время к соседнему подъезду подвалил паренек лет двадцати. Одет в кожаную куртку, вязаную шапку, которую в народе, как я знал, называли «ГП» (головной презерватив), темные джинсы. Он нажал на какую то кнопку на панели, одновременно с явным отворачиванием с высоко смотря на меня. Сучонок, он глядел на меня как на лужу блевотины. Я сразу вспомнил, как глядела на меня так же санитарка, когда я был еще «не в теле». Захотелось раздавить ублюдку голову. В это время из пиликающей панели раздался кричающий голос: – Кто там? – Почта! – пробасил парень. Панель опять запиликала и дверь открылась. Парень широко распахнул ее и шмыгнул внутрь. Какая нахер почта!?! Я бросился было за ним, но сделал всего пару шагов, ноги уплыли от меня и я завалился на живот, больно ударившись скулой о замерзший ледяной сталагмит у водоотводной трубы. Ударился вскользь слава богу, а не то голова бы треснула по всем швам. Я лежал и мечтал, что я на облаке, на белом прохладном облаке. Боль, шум в ушах, отдышка, все ушло. Сейчас я еще немножко полежу и все пройдет, а потом я смогу летать. Как супермен из мультика взлечу и начну нарезать круги вокруг домов, шелестя плащом и любуясь окрестност... Боль пришла. Сначала в разбитую скулу и висок, потом в окоченевшие пальцы на руках. Господи, как же мне невыносимо больно. Я с трудом поднялся на четвереньки. Поднял голову и увидел панель. С трудом дотянулся до какой то клавиши, номер уже не видел. Панель приветливо и вместе с тем нетерпеливо запиликала. Через какое то время, мне показалось, что прошла целая вечность, грубый мужской голос снизошел до разговора со мной. -Да! – Почта – прохрипел я. – Иди ты на хуй со своей почтой! Разговор окончен. Это конец. В этот миг дверь подъезда, как будто ведомая ангелом – хранителем, отворилась передо мной. Но вместо ангела в проходе стояла препротивного вида бабка с недовольной рожей. – Тьфу, скотина пьяная, посреди недели нажрался! пошел отсюда, нечего тут ссать по подъездам! Возразить у меня не было сил. Бабка прошла мимо меня. Доводчик стал тянуть дверь обратно, но в последний момент остановилась, так и не закрывшись. Я опять улыбался, несмотря на боль. Мои пальцы сидели в зазоре между дверью и косяком. Подождав, пока шумная особа отвалит подальше, я с трудом открыл дверь и на четвереньках вполз в подъезд. Налево и вниз вела лестница в подвал. Я как пьяная змея сполз по ступенькам в его спасительную темноту... Сколько я был без сознания, я не знаю, просто я взял и пришел в себя после n-ого количества времени, скажу так. Когда я только открыл глаза, мне вроде как и было хорошо, я даже думал сначала бодро вскочить, но как только я оторвал голову от пола, я чуть не заорал от боли. Болело все. Плюс одна рука не слушалась наверное я ее отлежал. Я перевернулся на спину и мучительно больно сглотнул. Было желание поесть, но кажется, свой узелок я забыл у дверей подъезда. Ладно, по крайней мере здесь тепло и в меру сухо. Из подвального окошка мне на нижнюю часть тела струился тусклый очень рассеянный свет, наверное, снаружи оно было присыпано снегом. Я попробовал не думать о еде, разумеется тщетно. Так с этими светлыми мыслями я и уснул опять. Так продолжалось достаточно часто. В конце концов, после очередного пробуждения я понял, что мой желудок уже давно переваривает сам себя, а жажда была просто жуткой. Как не крути, а надо выползать. Я с трудом встал на ноги и захромал к выходу. Подъем получился не то чтобы очень, но худо бедно взобрался. Дверь подъезда опять не открывалась. Да что за ерунда такая?! Потом увидел кнопку и нажал. Где то противно запищало и дверь поддалась. Слава, слава, алелуйа! В лицо опять впился мороз. Эх, надо было летом бежать, с грустью подумал я. На улице кажется было раннее утро. Облака разогнал ветер, его дохлые остатки подхлестывали меня с разных сторон ледяными плетками. Я поплелся вдоль дома и завернул за угол. Та же картина: снег и мусор.

Пара деревьев со скрюченными корявыми ветвями – лапами, раскинутыми в мольбе за лучик теплого весеннего солнца. В общем, все выглядело заунывной некуда. А чего ты ждал? Оазис с девчонками и жареным павлином в апельсинах? Я обогнул здание снова, попав во двор. Ветер так хлестнул по ногам, что они отозвались резкой болью. Господи, сколько же все таки боли! Сидел бы себе в палате на казенных харчах. Я на секунду даже убедил себя, что зря поперся в это «увлекательное путешествие Алешки за памятью», но вдруг недалеко отчетливо сработал сигнал. Я не знал, как он звучит, но сразу понял, что это гудок тепловоза. Неет дружок, ты все делаешь правильно. Я поднял непослушными от холода пальцами манжету своей грязной пижамы. Адрес на запястье не стерся даже чуть – чуть. Все те же аккуратные, четко выведенные черной ручкой буквы. Вот ты, моя звезда... Мой маяк... Я бросил таращиться на запястье и внимательно посмотрел по сторонам. Мое внимание привлек строительный вагончик неопределенной раскраски, на трех колесах, за место четвертого деревянная чушка. Под ним устроили берлогу для какой то дворняги. Она лежала, высунув задумчивую морду между колес и рассматривала меня без всякого собачьего интереса. Хорошая конура, какая то добрая душа поставила по краям колес толстый картон, а внутрь накидала старого тряпья и одеял. Ладно, надеюсь, ты не будешь против, если я загляну в конуру повыше. Я не спеша побрел к вагончику. Чем сильнее сокращалась дистанция между нами, тем внимательнее смотрела хозяйка «нижнего этажа» на меня. Когда нас стало разделять меньше пяти метров, она вышла не спеша из своего логова и пошла ко мне. Это была девочка, псина здоровая, но, как оказалось, весьма добродушная. Подошла, обнюхала меня, и потопала по своим делам. Я успел немного потеребить ее между ушами. Хорошая девочка, пришлю тебе косточку. Я взобрался по короткой, в три ступеньки, металлической лестнице и оказался на площадке перед хлипкой дверью. На дохленьких петельках висел ржавый допотопный висячий замок. Сил выбить дверь у меня не было. Осматриваясь по сторонам, мой взгляд упал на кусок рифленой арматуры, длиной чуть больше метра. – Ключик прилагается – хрипло усмехнулся я. Через три минуты, замок был вероломно вывернут вместе с дужками и куском самой двери, а я оказался внутри. Когда я зашел, то встал как вкопанный, не в силах шевельнуться. Передо мной был артефакт. Нет, не так, это откровение, это спасение, это как лик Иисуса, как целительная икона перед моими очами! В шкафу напротив висел практически новый костюм: фужайка, толстые ватные штаны и шапка – ушанка. Выдох безмерной радости сошел с моих уст. Я не стал медлить и быстро переоделся. Внизу валялось несколько пар грубых рабочих ботинок и почти не вонючие шерстяные носки. Я нашел себе обувь чуть меньше размера, но все равно лучше, чем мои больничные «а-ля чешки». Я почувствовал, что мне становится теплее, и слезы радости защипали глаза. Покопавшись в вагончике еще, я нашел несколько готовых мисок с лапшой, несколько ломтей почерствевшего хлеба и пару банок с консервами. Позаимствовал так же неплохой столовый нож и открывалку. В чайнике была вода, и я выпил ее полностью, а это было литра два с лишним, как в меня столько влезло? Пора было возвращаться. Я сгреб находки в охапку и быстро покинул место преступления. Когда я шел обратно к подвалу, то увидел надпись на табличке «улица Громова». Ну что же, я знаю, где я, осталось узнать, где проспект Солидарности. Интересно все таки, между кем и кем? К счастью, из подъезда никто не выходил, и заранее оставленный мною камень не дал закрыться двери. Почту в этом доме не любят. Через два дня я немного окреп, спал вроде и жар, но мучил бронхит. Я грел консервы и хлеб на трубах отопления. Лапшу правда пришлось трескать сухой. Когда появилась пустая банка, я набрал на улице снега и растопил его. Этим и утолял жажду, выбирать не приходилось. Еще через два дня я смог неплохо ходить, хоть и голова при ходьбе отвечала тупой болью в правом виске. Я вышел на улицу выполнить следующую свою задумку. Добрался до киоска «Союз – Печать». – Можно мне карту? – Вам какую, автомобильную или для пешеходов? – Для пешеходов можно посмотреть? – Конечно, есть вот две штуки... Она положила передо мной две цветастые карты. Одна «Для туристов с достопримечательностями», другая попроще, зато

с номерами домов. – А, минутку, есть еще... Эй! Молодой человек! Эй!... Но я уже не слышал ее слов. Я несся в тяжеленном ватнике и штанах, с болью в голове и радостью в сердце, сжимая в руках заветную карту. Укрывшись уже в ставшем родным подъезде, я внимательно изучил ее. Господи – какой огромный город! Но к счастью для меня, нужный мне адрес оказался в пределах пешего марш – броска. Я решил на него этим же вечером. Шел долго, дольше, чем мне казалось, вот такая коварная вещь – масштаб. На карте рукой подать а реально топал я часа три с лишним. Слава богу, в моей новой одежде я не замерз даже за это время, но отдышка мучила почти всю дорогу. Уже наверное за полночь я добрался таки до этого проспекта. По табличкам на подъездах отыскал, в каком из них нужная мне квартира. О чудо, этой хреновины с кнопками на двери не оказалось. Я зашел в подъезд. Несмотря на то, что в доме был лифт, я решил топтать пешком. Так забрался на шестой этаж. Вот она, №90. На двери болталась порванная бумажка с какими то штампами. Как же мне открыть дверь? Легонько потянул за ручку, и дверь легко, без скрипов отворилась. Я невольно напрягся и полез за пазуху. Нащупал рукоять ножа, но уверенности так и не появилось. Тихонько зашел внутрь и стал шарить рукой в поисках выключателя. – Шаман се пралис – раздалось вдруг одновременно отовсюду и как бы ниоткуда. Как будто говорили мне прямо в голову. Что за тарабарщина? – Кто вы? Дрожащим голосом спросил я темноту. Мне показалось что голос женский. – Шаман се пралис руго – повторил голос вдруг, – Наконец то ты пришел, Руго – Эээ, прост... Блядь, а как я понял что она сказала?! Колени у меня задрожали. Я вдруг понял, что понимаю речь и понимаю, что обращаются ко мне. – Простите... – начал было я. – Маяк с тобой, Руго? – Все тот же мягкий, но не терпящий возражений голос. – Послушайте, я не ... – У тебя что, был сбой?! – на этот раз в голосе появилась злость. Я невольно начал пятиться назад. – Я не понимаю, о чем вы... – Черт! Ласат, он соскочил, он нам больше не нужен, что мне делать? Секундная пауза. – Сотри его. Я еще не понял, что только что решила моя судьба, как вдруг из темноты показался маленький зеленый лучик. Тоненький такой, веселый. Но я сразу же понял, что он несет за собой смерть. Лучик очень быстро и неумолимо полз ко мне. Бежать, бежать подумал я, но ноги предательски меня не слушались. Каким усилием воли я смог сдвинуть себя, мне было непонятно самому. Я машинально кинул нож в сторону луча. Попал. Его владелец зашипел и лучик рванул ко мне. Я не успел бы убежать, я просто подогнул ноги и рухнул на пол, как раз в то мгновение, когда это чудо оружие выстрелило. Чем то похожим внешне на медузу. Внутри было ослепительно яркое ядро, а вокруг синие ореолы. Попало все это в стенку кладовки, чуть левее и выше моей головы. Волосы, брови и щеку опалило как огнем. На мгновенье я увидел что то черное и влажное за лучиком, что то не то с щупальцами, не то с какими то лентами. Оно смотрело на меня, хотя глаз я не видел. Смотрело, а за минуту до этого говорило. Во дела! Меня осыпало щепками и бетонной крошкой. В стене замкнуло проводку и яркие искры брызнули во все стороны. В их свете я увидел, что справа что то вроде кухни, с плотно занавешенным окном. Размышлять о негативных сторонах полетов с шестого этажа времени не было. Я бросился к окну. Каким то чувством я уловил движения воздуха: подружка рванулась за мной, как мне показалось. Я прогрохотал по линолеуму своими тяжеленными ботинками и в последний момент прыгнул в окно. Услышал звон бьющегося стекла, сильно приглушенного тяжелой портьерой. Я еще подумал, вот будет засада, если я головой прилечу прямо между рамами. Но уже понял, что лечу вниз. Я кажется зацепился за несколько крупных веток, одна особенно больно одна ударила меня в печень. Будет больно, подумал я, потом был глухой удар и чернота поглотила меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.